

Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. В. Г. Белинский
Это едва ли не самая странная и не самая поучительная книга, какая когда-либо появлялась на русском языке!{1} Беспристрастный читатель, с одной стороны, найдет в ней жестокий удар человеческой гордости, а с другой стороны, обогатится любопытными психологическими фактами касательно бедной человеческой природы... Впрочем, нисколько не прав будет тот, кем при чтении этой книги попеременно стали бы овладевать то жестокая грусть, то злая радость, – грусть о том, что и человек с огромным талантом может падать так же, как и самый дюжинный человек, радость оттого, что все ложное, натянутое, неестественное никогда не может замаскироваться, но всегда беспощадно казнится собственной же пошлостью... Смысл этой книги не до такой степени печален. Тут дело идет только об искусстве, и самое худшее в нем – потеря человека для искусства...

Сколько книга является с эпитафиями, которые нисколько к ним не идут и ничего в них не поясняют, и сколько эпитафий так и просятся в эту книгу, которая явилась без всякого эпитафия! Например, как бы шел к ней этот эпитафия: Суета сует и всяческая суета! или этот: *Du sublime au ridicul il n'y a qu'un pas!*..[1] Но не будем говорить о том, чего в ней нет, а обратимся к тому, что в ней есть... Из предисловия узнаем мы, что автор был болен при смерти и написал было завещание. Все это очень обыкновенно и со всяким случиться может. Но вот что вовсе необыкновенно и чего доселе еще ни с кем из частных лиц не случалось. Завещание Н. В. Гоголя, напечатанное в книге вполне, не заключает в себе никаких семейных подробностей, которые, разумеется, и не шли бы в печать, но все состоит из интимной беседы автора с Россиею... То есть автор говорит и наказывает, а Россия его слушает и обещает выполнить... Тут, между прочим, говорится, как о венце творений Гоголя, о какой-то прощальной повести, написанной им в назидание, поучение и услаждение высоких душ... Потом объявляется, что автор сжег все свои сочинения, бывшие у него в рукописях, как бесполезные... Вместо этого просит он друзей своих издать его письма с 1844 года для пользы тоже высоких душ... Но вот конец завещания в подлинных словах:

«VII. Завещаю... но я вспомнил, что уже не могу этим располагать. Неосмотрительным образом похищено у меня право собственности: без моей воли и позволения опубликован мой портрет. По многим причинам, которые мне объявлять не нужно, я не хотел этого, не продавал никому права на его публичное издание и отказывал всем книгопродавцам, доселе приступавшим ко мне с предложением, и только в таком случае предполагал себе это позволить, если б помог мне бог совершить тот труд, которым мысль моя была занята во всю жизнь мою, и притом так совершить его, чтобы все мои соотечественники сказали в один голос, что я честно исполнил свое дело, и даже пожелали бы узнать черты лица того человека, который до времени работал в тишине и не хотел пользоваться незаслуженной известностью. С этим соединялось другое обстоятельство: портрет мой в таком случае мог распродаться вдруг во множестве экземпляров, принеся значительный доход тому художнику, который должен был гравировать его. Художник этот уже несколько лет трудится в Риме над гравированием бессмертной картины Рафаэля: Преображение господне. Он всем пожертвовал для труда своего, труда убийственного, пожирающего годы и здоровье, и с таким совершенством исполнил свое дело, подходящее ныне к концу, с каким не исполнял еще ни один из гравировщиков. Но, по причине высокой цены и малого числа знатоков, эстамп его не может разойтись в таком количестве, чтобы вознаградить его за все; мой портрет ему помог бы. Теперь план мой разрушен: раз опубликованное изображение кого бы то ни было делается уже собственностью каждого, занимающегося изданиями гравюр и литографий. Но если бы случилось так, что, после моей смерти, письма, после меня изданные, доставили бы какую-нибудь общественную пользу (хоть бы даже одним только чистосердечным стремлением ее доставить), и пожелали бы мои соотечественники увидеть и портрет мой, то я прошу всех таковых издателей благородно отказаться от своего права; тех же моих читателей, которые по излишней благосклонности ко всему, что ни пользуется известностью, завели у себя какой-нибудь портрет мой, прошу уничтожить его тут же по прочтении сих строк, тем более что он сделан дурно и без сходства, и покупать только тот, на котором будет выставлено: гравировал Йорданов. Сим будет сделано по крайней мере справедливое дело. А еще будет справедливей, если те, которые имеют достаток, станут вместо портрета моего покупать самый эстамп Преображения господня, который, по признанию даже чужеземцев, есть венец гравировального дела и составляет славу русскую.

Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Завещание мое немедленно по смерти моей должно быть напечатано во всех журналах и ведомостях, дабы, по случаю неведения его, никто не сделался передо мною невинно-виноватым и тем бы не нанес упрека на свою душу».

Изданную теперь книгу «Выбранных мест из переписки с друзьями» г. Гоголь просит своих соотечественников прочитать несколько раз, а достаточных из них просит он покупать ее по несколько экземпляров для раздачи тем, которые сами купить ее не в состоянии (стр. 3)... Сбираясь в Сирию, на поклонение святым местам, просит он прощения у всех, перед которыми виноват, равно как и у тех, перед которыми не виноват... В особенности сознает он, что в его обхождении с людьми всегда было много неприятно-отталкивающего. «Отчасти это происходило (говорит он) оттого, что я избегал встреч и знакомств, чувствуя, что не могу еще произнести умного и нужного слова человеку (пустых же и ненужных слов мне произносить не хотелось), {2} и будучи в то же время убежден, что по причине бесчисленного множества моих недостатков мне было необходимо хотя немного воспитать самого себя в некотором отдалении от людей. Отчасти же это происходило и от мелочного самолюбия, свойственного только таким из нас, которые из грязи пробрались в люди и считают себя вправе спесиво глядеть на других {3} (стр. 4–5).

За предисловием и завещанием следуют письма. В этих письмах автор изображает себя как бы прозревшим вследствие своей болезни, исполнившимся духа любви, кротости и в особенности смирения... Содержание их совершенно соответствует такому духу: это не письма, это скорее строгие и иногда грозные увещания учителя ученикам... Он поучает, наставляет, советует, уличает, упрекает, прощает, и т. д. К нему все обращаются с вопросами, и он никого не оставляет без ответа. Он сам говорит: «Всё каким-то инстинктом обращалось ко мне, требуя помощи и совета». Тут же, через несколько строк: «В последнее время мне случалось даже получать письма от людей, мне почти вовсе незнакомых, и давать на них ответы такие, каких бы я не сумел дать прежде. А между прочим (?) я ничуть неумнее никого» (стр. 121–122). Затем следует объяснение, что эта мудрость произошла от болезни. В другом письме, давая приятелю совет по части хозяйства, автор говорит: «Только раскуси его хорошенько и не будешь в накладе; два человека уже благодарят меня, один из них тебе знакомый к**» (стр. 159). Видите ли: он сам сознает себя чем-то вроде cure du village [2] или даже и папы своего маленького католического мира... Послушаем же его советов и подивимся им...

Говоря в письме к одной даме о значении женщины в свете, автор открывает нам главную причину лихоимства в России. Найти причину зла – почти то же, что найти против него лекарство. И автор «Переписки» нашел его... Слушайте: главная причина взяточничества чиновников происходит «от расточительности их жен, которые так жадничают блистать в свете, большом и малом, и требуют на то денег от мужей» (стр. 17)... Признаемся: мы были сильно поражены этим странным открытием... Мы, однакож, не остановились на этом, но пошли дальше: думая думая, мы надумались, что оно, конечно, хорошо, если чиновницы перестанут щеголять и блистать в свете, но что еще будет лучше, если они вместе с тем навсегда оставят дурную привычку – поутру и вечером пить чай или кофе, а в полдень обедать, равно как и другую не менее дурную привычку прикрывать наготу свою чем-нибудь другим, кроме рогожи или самой дешевой парусины... Тогда бы им вовсе не для чего было просить у мужей денег, а мужьям вовсе не для чего было бы брать даже жалованье, не только взятки... Исправление нравов было бы всесовершенное... С этим могут не согласиться только так называемые практические люди, которые все понимают не вдохновением, а здравым смыслом да опытностью... Они могут сказать, что до Петра Великого у нас не было мод и женщины сидели взаперти, а взяточничество было, да еще в несравненно сильнейшей степени, чем теперь... Пожалуй, они могут еще сказать, что, хорошо зная человеческую натуру и ее слабости, они считают решительно невозможным, чтобы у одних уничтожить желание блистать, когда другие, по своим средствам, согласятся скорей умереть, нежели перестать блистать; и что если равенство в средствах есть неосуществимая мечта, то никакие «переписки» в мире не убедят никакого Ира не желать быть крезом или не завидовать ему, ибо это вне природы человеческой, а немногие и редкие исключения тут ровно ничего не значат. Но мало ли чего могут наговорить практические люди, да что их слушать! Ведь они черпают свои мысли в разуме, рассудке, опыте и знании – источниках мирских, светских и греховных!.. Эти люди, пожалуй, скажут вам, что только в здоровом теле может обитать здоровая душа, что только не страждущий никаким расстройством мозг может правильно мыслить... Заткните уши от таких вольнодумных мыслей и плюньте (любимое выражение автора «Переписки») на проповедников такой ереси; вот что говорит об этом наш автор: «О, как нужны нам недуги! из множества польз, которые я уже извлек из них, укажу вам только на одну: не будь этих

Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru недугов, {4} я бы задумал, что стал уже таким, каким следует мне быть. Не говорю уже о том, что самое здоровье, которое беспрестанно подталкивает русского человека на какие-то прыжки и желание порисоваться своими качествами перед другими, заставило бы меня наделать уже тысячу глупостей. Притом ныне, в мои свежие минуты, которые дает мне милость небесная, и среди самых страданий иногда приходят ко мне мысли, несравненно лучшие прежних, и я вижу сам, что теперь все, что ни выйдет из-под пера моего, будет значительно лучше прежнего» (стр. 26). Теперь неоспоримо, как $2 \times 2 = 4$, что нездоровье лучше здоровья: в здоровье человек, особенно русский, любит рисоваться и заноситься, а в болезни он ясно видит, что прежде он делал одни глупости, а вот теперь-то за ум хватился и стал молодец хоть куда! Он уж тут сам видит, что он и пишет лучше прежнего, и если весь свет видит это дело совершенно наоборот, можно плюнуть на весь свет, брешешь – мол, ты, дурак!.. Вы думаете, что с светом, даже с большим, нельзя так говорить? По крайней мере в «Выбранных местах из дружеской переписки» светские люди иначе не называются, как глупыми умниками (стр. 149). Вообще, заметим кстати, обращение нашего смиренномудрого советодателя как с своими адептами, так и с людьми, никогда его не знавшими, отличается немножко чересчур восточною откровенностью. «Критика (у него) устала и запуталась от разборов загадочных произведений новейшей литературы, с горя бросилась в сторону и, уклонившись от вопросов литературных, понесла дичь» (стр. 51). Вот, чтобы помочь этому горю и направить критику на истинный путь, он и написал свою превосходную критическую статью «Об «Одиссее», переводимой Жуковским», – статью, в которой, разумеется, дичи не было нисколько... Но вот черта еще лучше: «Как глупы немецкие умники, выдумавшие, будто Гомер миф, а все творения его – народные песни и рапсодии» (стр. 50). Сколько мы помним, главным поборником этого мнения был профессор Вольф, человек, конечно, не гениальный, но весьма ученый и совсем не дурак... Но вот беда. – это мнение разделял и Гёте, который хотя был и немец, но дураком ни в чьих глазах никогда еще не был... Что скажут о нас немцы, если узнают, что их Гёте был не более, как – дурак!.. А между тем, воля ваша, а ведь оно должно быть так, потому что наш автор не знает ни греческого языка, столь знакомого Вольфу и Гёте, да едва ли знает и по-немецки-то, сверх того, он судит не по разуму, не по знанию, а по вдохновению: из всего этого следует, что он прав и что Гёте действительно дурак... Нет, это дело решенное – Гёте дурак! Да и что тут чиниться с какими-нибудь немцами!.. Но вот особенно интересное суждение автора о славянофилах, отличающееся всем достоинством его патриархальной откровенности:

«Споры о наших европейских и славянских началах, которые, как ты говоришь, пробираются уже в гостиные, показывают только то, что мы начинаем просыпаться, но еще не вполне проснулись; а потому не мудрено, что с обеих сторон наговаривается весьма много дичи. Все эти славянисты и европисты – или же староверы и нововверы, или же восточники и западники, а что они в самом деле, не умею сказать, потому что покамест они мне кажутся только карикатурами на то, чем хотят быть. Все они говорят о двух разных сторонах одного и того же предмета, никак не догадываясь, что ничуть не спорят и не поперечат {5} друг другу. Один подошел слишком близко к строению, так, что видит одну часть его; другой отошел от него слишком далеко, так, что видит весь фасад, но по частям не видит. Разумеется, правды больше на стороне славянистов и восточников, потому что они все-таки видят весь фасад и стало быть все-таки говорят о главном, а не о частях. Но и на стороне европистов и западников тоже есть правда, потому что они говорят довольно подробно и отчетливо о той стене, которая стоит перед их глазами; вина их в том только, что из-за карниза, венчающего эту стену, не видится им верхушка всего строения, то есть глава, купол и все, что ни есть в вышине. Можно бы посоветовать обоим – одному попробовать, хотя на время, подойти ближе, а другому отступить немного подалее. Но на это они не согласятся, потому что дух гордости обуял обоими. Всякий из них уверен, что он окончательно и положительно прав и что другой окончательно и положительно лжет. Кичливости больше на стороне славянистов: они хвастуны; из них каждый воображает о себе, что он открыл Америку, и найденное им зернышко раздувает в репу. Разумеется, что таким строптивым хвастовством вооружают они еще более противу себя европистов, которые давно бы готовы были от многого отступить, потому что и сами начинают слышать многое, прежде неслышанное, но упорствуют, не желая уступить слишком раскозырявшемуся человеку».

А в другом месте вот что говорит автор о том же предмете:

«Многие у нас уже и теперь, особенно между молодежью, стали хвастаться не в меру русскими доблестями, и думают вовсе не о том, чтобы их углубить и воспитать в себе, но чтобы выставить их напоказ и сказать Европе: «смотрите, немцы: мы лучше

выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru вас!» Это хвастовство – губитель всего. Оно раздражает других и наносит вред самому хвастуну. Наилучшее дело можно превратить в грязь, если только им похвалишься и похваляешь. А у нас, еще не сделавши дела, им хвастаются! Хвастаются будущим! Нет, по мне, уже лучше временное уныние и тоска от самого себя, нежели самонадеянность в себе».

Но мы начали речь о советах, которыми автор наделяет своих адептов; надо кончить эту интересную материю. Один из приятелей автора посягнул на дело неслыханной дерзости: он решился сказать автору письменно, что, по его мнению, теперь-де самое время для выпуска второй части «Мертвых душ»... Подобная дерзость не могла не подействовать несколько мутно на смирение нашего автора, – и он разразился следующим громовым ответом неосторожному смельчаку:

«Вот, если бы ты, вместо того чтобы предлагать мне пустые запросы (которыми напичкал половину письма своего и которые ни к чему не ведут, кроме удовлетворения какого-то праздного любопытства), собрал все дельные замечания на мою книгу, как свои, так и других умных людей, занятых, подобно тебе, жизнью опытной и дельною, да присоединил бы к этому множество событий и анекдотов, какие ни случались в околке вашем и во всей губернии, в подтверждение или в опровержение всякого дела в моей книге, каких можно бы десятками прибрать на всякую страницу; тогда бы ты сделал доброе дело, и я бы сказал тебе мое крепкое спасибо. Как бы от этого раздвинулся мой кругозор! Как бы освежилась моя голова, и как бы успешнее пошло мое дело! Но того, о чем я прошу, никто не исполняет; моих запросов никто не считает важными, а только уважает свои; а иной даже требует от меня какой-то искренности и откровенности, не понимая сам, чего он требует. И к чему это пустое любопытство знать вперед, и эта пустая ни к чему не ведущая торопливость, которою, как я замечаю, уже и ты начинаешь заражаться? Смотри, как в природе совершается все чинно и мудро, в каком стройном законе и как все разумно исходит одно из другого! Одни мы, бог весть из чего, мечемся. Все торопится, все в какой-то горячке. Ну, взвесил ли ты хорошенько слова свои: «Второй том нужен теперь необходимо»? Чтобы я из-за того только, что есть против меня всеобщее неудовольствие, стал торопиться вторым томом так же глупо, как и то, что я поторопился первым? Да разве уж я совсем выжил из ума? Неудовольствие это мне нужно; в неудовольствии человек хоть что-нибудь мне выскажет. И откуда вывел ты заключение, что второй том именно теперь нужен? Залез ты разве в мою голову? Почувствовал существо второго тома? По-твоему, он нужен теперь, а по-моему, не раньше, как через два-три года, да и то еще, принимая в соображение попутный ход обстоятельств и времени. Кто ж из нас прав? Тот ли, у кого второй том уже сидит в голове, или тот, кто даже и не знает, из чего состоит второй том? Какая странная мода теперь завелась на Руси! Сам человек лежит на боку, к делу настоящему ленив, а другого торопит, точно как будто непременно другой должен изо всех сил тянуть от радости, что его приятель лежит на боку. Чуть заметят, что хотя один человек занялся серьезно каким-нибудь делом, уж его торопят со всех сторон, и потом его же выбранят, если сделает глупо, скажут: зачем поторопился? Но оканчиваю тебе поучение. На твой умный вопрос я отвечал, и даже сказал тебе то, чего доселе не говорил еще никому. Не думай, однакоже, после этой исповеди, чтобы я сам был такой же урод, каковы мои герои. Нет, я не похож на них. Я люблю добро, я ищу его и сгораю им; но я не люблю моих мерзостей и не держу их руку как мои герои; я не люблю тех низостей моих, которые отдаляют меня от добра. Я воюю с ними, и буду воевать, и изгоню их, и мне в этом поможет бог, и это вздор, что выпустили глупые светские умники, будто человеку только и возможно воспитать себя, покуда он в школе, а после уж и черты нельзя изменить в себе: только в глупой светской башке могла образоваться такая глупая мысль. Я уже от многих своих гадостей избавился тем, что передал их своим героям, их осмеял в них и заставил других также над ними посмеяться. Я оторвался уже от многого тем, что, лишивши картинного вида и рыцарской маски, под которою выезжает козырем всякая мерзость наша, поставил ее рядом с той гадостью, которая всем видна. И когда поверяю себя на исповеди перед тем, кто повелел мне быть в мире и освободиться от моих недостатков, вижу много в себе пороков; но они уже не те, которые были в прошлом году. Святая сила помогла мне от тех оторваться. А тебе советую не пропустить мимо ушей этих слов, но, по прочтении моего письма, остаться одному на несколько минут и, от всего отделяясь, {6} взглянуть хорошенько на самого себя, перебравши перед собою всю свою жизнь, чтобы проверить на деле истину слов моих. В этом же моем ответе найдешь ответ и на другие запросы, если попристальнее взглядишься. Тебе объяснится также и то, почему не выставлял я до сих пор читателю явлений утешительных и не избрал {7} в мои герои добродетельных людей. Их в голове не выдумаешь. Пока не станешь сам хотя сколько-нибудь на них походить, пока не добудешь постоянством и не завоеешь

выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru силою в душу несколько добрых качеств, мертвечина будет все, что ни напишет перо твое и как земля от неба будет далеко от правды. Выдумывать кошмаров – я также не выдумывал; кошмары эти давили мою собственную душу; что было в душе, то из нее и вышло».

Любопытны очень во многих отношениях следующие отрывки:

«Пушкин, когда прочитал следующие стихи из оды Державина к Храповицкому:

За слова меня пусть гложет,
За дела сатирик чтит, –
сказал так: «Державин не совсем прав: слова поэта суть уже его дела». Пушкин прав. Поэт на поприще слова должен быть так же безукоризнен, как и всякой другой «а своем поприще. Если писатель станет оправдываться какими-нибудь обстоятельствами, бывшими причиною неискренности, или необдуманности, или поспешной торопливости его слова, тогда и всякий несправедливый судья может оправдаться в том, что брал взятки и торговал правосудием, складывая вину на свои тесные обстоятельства, на жену, на большое семейство – словом, мало ли на что можно сослаться? У человека вдруг явятся тесные обстоятельства. Потомству нет дела до того, кто был виною, что писатель сказал глупость или нелепость, или же выразился вообще необдуманно и незрело. Оно не станет разбирать, кто толкал его под руку, близорукий ли приятель, подстрекавший его на рановременную деятельность, журналист ли, хлопотавший только о выгоде своего журнала. Потомство не примет в уважение ни кумовства, ни журналистов, ни собственной его бедности и затруднительного положения. Оно сделает упрек ему, а не им. Зачем ты не устоял противу всего этого? Ведь ты же почувствовал сам честность звания своего; ведь ты же умел предпочесть его другим выгоднейшим должностям, и сделал это не вследствие какой-нибудь фантазии, но потому, что в себе услышал на то призвание божие: ведь ты же получил в добавку к тому ум, который видел подальше, пошире и поглубже дела, нежели те, которые тебя подталкивали! Зачем же ты был ребенком, а не мужем, получа все, что нужно для мужа? Словом, еще какой-нибудь обыкновенный писатель мог бы оправдываться обстоятельствами, но не Державин. Он слишком повредил себе тем, что не сжег по крайней мере целой половины од своих. Эта половина од представляет явление поразительное: никто еще доселе так не посмеялся над самим собою, над святынею своих лучших верований и чувств, как сделал это Державин в этой несчастной половине своих од. Точно как бы он силился здесь намалевать карикатуру на самого себя: все, что в других местах у него так прекрасно, так свободно, так проникнуто внутреннею силою душевного огня, здесь холодно, бездушно и принужденно; а что хуже всего, здесь повторены те же самые обороты, выражения и даже целиком фразы, которые имеют такую орлиную замашку в его одушевленных одах, и которые тут просто смешны и походят на то, как бы карлик надел панцирь великана, да еще и не так, как следует. Сколько людей теперь произносит суждение о Державине, основываясь на его пошлых одах; сколько усомнилось в искренности его чувств потому только, что нашли их во многих местах выраженными слабо и бездушно; какие двусмысленные толки составились о самом его характере, душевном благородстве и даже неподкупности того самого правосудия, за которое он стоял. И все потому, что не сожжено то, что должно быть предано огню. Приятель наш П...{8} имеет обыкновение, открывши какие ни попало строки известного писателя, тот же час их тиснуть в журнале, не взвесив хорошенько, к чести ли это, или к бесчестию его. Он скрепляет все дело известною оговоркою журналистов: «Надеемся, что читатели и потомство останутся благодарны за сообщение сих драгоценных строк; в великом человеке все достойно любопытства», и тому подобное. Все это пустяки. Какой-нибудь мелкий читатель останется благодарен; но потомство плюнет на эти драгоценные строки, если в них бездушно повторено то, что уже известно, и если не дышит от них святыня того, что должно быть свято. Чем истины выше, тем нужно быть осторожнее с ними; иначе они вдруг обратятся в общие места, а общим местам уже не верят. Не столько зла произвели сами безбожники, сколько произвели зла лицемерные или даже просто неприготовленные проповедыватели бога, дерзавшие произносить имя его неосвященными устами. Обращаться с словом нужно честно. Оно есть высший подарок бога человеку. Беда произносить его писателю в те поры, когда он находится под влиянием страстных увлечений, досады, или гнева, или какого-нибудь личного нерасположения к кому бы то ни было – словом, в те поры, когда не пришла еще в стройность его собственная душа: из него такое выйдет слово, которое всем опротивеет. И тогда с самым чистейшим желанием добра можно произвести зло. Тот же наш приятель П... тому порука: он торопился всю свою жизнь, спеша делиться всем с своими читателями, сообщать им все, чего ни набирался сам, не разбирая, созрела ли мысль в его собственной голове таким образом, дабы стать близкою и доступною всем – словом,

Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
выказывал перед читателем себя всего во всем своем неряшестве. И что ж? Заметили ли читатели те благородные и прекрасные порывы, которые у него сверкали весьма часто? Приняли ли от него то, чем он хотел с ними поделиться? Нет; они заметили в нем одно только неряшество и неопрятность, которые прежде всего замечает человек, и ничего от него не приняли. Тридцать лет работал и хлопотал как муравей этот человек, торопясь всю жизнь свою передать поскорее в руки всем все, что ни находил в пользу просвещения и образования русского. И ни один человек не сказал ему спасибо; ни одного признательного юноши я не встретил, который бы сказал, что он обязан ему каким-нибудь новым светом или прекрасным стремлением к добру, которое бы внушило его слово. Напротив, я должен был даже спорить и стоять за чистоту самых намерений и за искренность слов его перед такими людьми, которые, кажется, могли бы понять его. Мне было трудно даже убедить кого-либо, потому что он сумел так замаскировать себя перед всеми, что решительно нет возможности показать его в том виде, каков он действительно есть. Опасно шутить писателю со словом. Слово гнило да не исходит из уст ваших!

.....
«Я прочел с большим удовольствием похвальное слово Карамзину, написанное Погодиным. Это лучшее из сочинений Погодина в отношении к благопристойности, как внутренней, так и внешней: в нем нет его обычных грубо неуклюжих замашек и топорного неряшества слога, так много ему вредящего. Все здесь, напротив того, стройно, обдуманно и расположено в большом порядке. Все места из Карамзина прибраны так умно, что Карамзин как бы весь очерчивается самим собою и, своими же словами взвесив и оценив самого себя, становится как живой перед глазами читателя».

Но истинный перл по советодательной части составляют три письма автора. В одном он учит мужа и жену жить по-супружески. Жалеем, что длиннота этого письма лишает нас возможности пересказать его содержание: это чудо, прелесть, еще ничего не являлось подобного на русском языке, и перед этим даже путевые записки за границею г. Погодина – просто пас!.. В других двух письмах содержатся преудивительные советы помещику, как управлять своими крестьянами. В одном из них замечательнее всего совет касательно сельского суда и расправы. Так как, по мнению автора, в спорах, жалобах, неудовольствиях и тяжбах всегда бывают неправы обе стороны, то он и решает, что дело судьи – наказать обе... «Эта мысль (говорит он), как непреложное верование, разнеслась повсюду в нашем народе. Вооруженный ею, даже простой и неумный человек получает в народе власть и прекращает ссоры. Мы только, люди высшие, не» слышим ее, потому что набрались пустых рыцарски-европейских понятий о правде. Мы только спорим из-за того, кто прав, кто виноват; а если разобрать каждое из дел наших, придешь к тому же знаменателю: то есть оба виноваты. И видишь, что весьма здраво поступила комендантша в повести Пушкина «Капитанская дочка», которая, пославши поручика рассудить городского солдата с бабою, подравшихся в бане за деревянную шайку, снабдила его такою инструкцией): разбери, кто прав, кто виноват, да обоих и накажи» (стр. 188).

В другом письме автор советует помещику прежде всего не шутя, искренно показать своим крестьянам, что ему, помещику, деньги – нуль. «Негодьям же и пьяницам повели, чтобы они оказывали добрым мужикам такое же уважение, как бы старосте, прикащику, попу или даже самому тебе. Чтобы, когда еще они завидят издали примерного мужика и хозяина, летели бы шапки с головы у всех мужиков и всё бы ему давало дорогу, а который посмел бы оказать ему какое-нибудь неуважение или не послушаться умных слов его, того распеки тут же при всех; скажи ему: «Ах ты, невымытое рыло!»{9} Сам весь зажил в саже, так что и глаз не видать, да еще не хочешь оказать и чести честному! Поклонись же ему в ноги и попроси, чтобы навел тебя на разум; не наведет на разум – собакой пропадешь» (стр. 158–159).

Хорош и этот совет: «Мужика не бей: съездить его в рожу еще не большое искусство: это сумеет сделать и становой, и заседатель, и даже староста; мужик к этому уже привык, и только что почешет слегка у себя в затылке» (стр. 160). Затем автор учит помещика ругаться с мужиками... Что это такое? где мы? уж не перенеслись ли мы в давнопрошедшие времена?..

Но это еще не все. Вот лучшее: «Замечания твои о школах совершенно справедливы. Учить мужика грамоте затем, чтобы доставить ему возможность читать пустые книжонки, которые издают для народа европейские человеколюбцы, есть действительно вздор. Главное уже то, что у мужика нет вовсе для этого времени.

Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

После стольких работ никакая книжонка не полезет в голову – и, пришедши домой, он заснет, как убитый, богатырским сном» (стр. 162). Либо пойдет в кабак, что он и делает нередко... Но не понимаем, с чего взял автор, будто народ бежит, как от чорта, от всякой письменной бумаги? Бумаг юридических не любит ни один наш народ, особенно, если грамоте не знает; но грамоты наш народ не боится, напротив, любит ее, и бежит к ней, а не от нее. Пусть попросит автор своих друзей, чтобы они переслали ему отчет за 1846 год г. министра государственных имуществ, напечатанный во всех официальных русских газетах: из него увидит он, как быстро распространяется в России грамотность между простым народом... А если бы захотел он пожить в той России, которую так расхваливает, живя в разных немецких землях, и поприглядеться к нашему простому народу, о котором он судит так решительно, не зная его, – он убедился бы, что эти быстрые успехи в деле распространения грамотности в простом народе основаны именно на глубокой потребности, какую чувствует народ в грамотности, и на сильном стремлении, какое он оказывает к учению... Автор увидел бы, как часто бородатые русские мужички ничего не жалеют для обучения детей своих грамоте и достигают иногда этой цели при всевозможной бедности в средствах... Да, эта любовь к свету, выразившаяся в пословице: ученье – свет, неученье – тьма, составляет одно из лучших и благороднейших свойств русского народа, – и это-то свойство до сих пор не признано в нем его близорукими восхвалителями и льстецами, которые взамен того навывдумывали для него множество похвальных качеств, или не бывалых в нем, или составляющих еще его темную сторону...

Замечательна следующая черта: в начале письма автор советует помещику показывать крестьянам, искренно, без шуток, что деньги ему нипочем, то есть вовсе не нужны; а в конце письма говорит: «Разбогатеешь ты, как Крез, в противность тем подслеповатым людям, которые думают, будто выгоды помещика идут врознь с выгодами мужиков» (стр. 162)...

Особенным оттенком отличаются письма автора к Жуковскому. Вот несколько образчиков писем этого рода:

«Поведем речь о статье, над которою произнесен смертный приговор, то есть о статье под названием: «О лиризме наших поэтов». Прежде всего благодарность за смертный приговор! Вот уже во второй раз я спасен тобою, о мой истинный наставник и учитель! Прошлый год твоя же рука остановила меня, когда я уже было хотел послать Плетневу в «Современник» мои сказания о русских поэтах; теперь ты вновь предал уничтожению новый плод моего неразумия. Только один ты меня еще останавливаешь, тогда как все другие торопят, неизвестно зачем. Сколько глупостей успел бы я уже наделать, если бы только послушался других моих приятелей. – Итак, вот тебе моя благодарственная песнь – а затем обратимся к самой статье. Мне стыдно, когда помышлю, как до сих пор еще я глуп, и как не умею заговорить ни о чем, что поумнее. Всего нелепее выходят мысли и толки о литературе. Тут как-то особенно становится все у меня напыщенно, темно и невразумительно. Мою же собственную мысль, которую не только вижу умом, но даже чую сердцем, не в силах передать. Слышит душа многое, а пересказать или написать ничего не умею. Основание статьи моей справедливо, а между тем объяснился я так, что всяким выражением вызвал на противоречие».

Знаменитая статья: «Об «Одиссее», переводимой Жуковским», вновь является в этой книге, в виде письма к Н. М. Я...ву. {10} Вот основные мысли этой удивительной статьи:

I. Для перевода «Одиссеи» необходимо приготовление целою жизнью, необходимы в жизни переводчика разные внутренние и внешние события, поселяющие в душе мир, гармонию и другие похвальные качества. Жуковский вполне соответствует этим «необходимым» требованиям.

II. Переводчик должен быть христианином по преимуществу, ибо язычника Гомера можно проникать и постигать только христианским чувством. И с этой стороны Жуковский больше, нежели удовлетворителен.

Примечание. Нужно ли знать переводчику по-гречески и знает ли Жуковский этот язык, об этом, как деле мирском и, следовательно, ничтожном, автор умалчивает.

III. Зато перевод «Одиссеи» вышел несравненно лучше подлинника.

IV. Перевод этот необходим для нашего времени по причине общего охлаждения и

Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru недоразумения.

V. «Одиссея» произведет у нас влияние, как вообще на всех, так и отдельно на каждого.

VI. Ее будут у нас читать: дворяне, мещане, купцы, грамотеи и неграмотеи, рядовые солдаты, лакеи, дети обоего пола.

VII. Греческий политеизм, сиречь многобожие, не введет в искушение наших мужичков: они почешут у себя в затылке и сейчас смекнут, в чем дело и в чем вздор.

VIII. «Одиссея» произведет благодетельное влияние на нашу литературу: писатели и критики наши перестанут нести дичь. Но главное –

IX. «Одиссея» исправит всю нашу цивилизацию, испорченную влиянием Европы, и возвратит нас к незапамятным былым временам, помолодит нас десятками тремя веков... Ведь это-то и значит итти вперед!..

«Словом (говорит автор), на страждущих и болеющих от своего европейского совершенства – «Одиссея» подействует. Много напомнит она им младенчески-прекрасного, которое (увы!) утрачено, но которое должно возвратить себе человечество, как свое законное наследство. Многие над многим призадумаются. А между тем многое из времен патриархальных, с которыми есть такое сродство в русской природе, разнесется невидимо по лицу русской земли. Благоухающими устами поэзии навеивается на души то, чего не внесешь в них никакими законами и никакою властью» (стр. 56).{11} В одном письме к Жуковскому автор говорит; «Твоя «Одиссея» принесет много общего добра: это тебе предрекаю. Она возвратит к свежести современного человека, усталого от беспорядка жизни и мыслей; она обновит в глазах его много того, что брошено им, как ветхое и ненужное для быта; она возвратит его к простоте» (стр. 125).

Подобный великий благодетельный переворот, произведенный литературным трудом, тем необходимее, что, по словам автора, «все теперь расплылось и расшнуровалось, дрянь и тряпка стал всяк человек; обратил сам себя в подлое подножие всего (?) и в раба самых пустейших и мелких обстоятельств, и нет теперь нигде свободы в ее истинном смысле» (стр. 185).{12}

Все это прекрасно. Но вот два смиренных вопроса с нашей стороны. Как будет простой народ читать «Одиссею»? Положим, «Одиссея» не принадлежит к числу книжонок, издаваемых для народа европейскими человеколюбцами; но как будет читать ее наш народ, которому автор так положительно и строго запрещает знать грамоте?... Или учиться грамоте, чтоб уметь читать, нужно только «глупым» немцам, а словенину стоит только почесать у себя в затылке, чтобы прочесть всякую книгу, не умея читать?... Потом, что если сверх чаяния мистические предречения Г. Гоголя о влиянии «Одиссеи» на судьбу русского народа вовсе не сбудутся и перевод этот, подобно переводу Гнедича «Илиады», будет существовать только слишком для немногих?... Ведь тогда кто ж не скажет:

Наделала синица славы,
А моря не зажгла!..

Но самую любопытнейшую часть этой книги составляют «четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ». Эти четыре письма обрадовали, привели в восторг, сделали истинно счастливыми некоторых литераторов, особенно занятых литературною славою Гоголя. Это не тайна, ибо они поспешили печатно выразить свое торжество, забыв мудрую русскую пословицу: поспешить – людей насмешить, и на менее мудрую французскую пословицу: *bien rira qui rira le dernier*[3]... Из следующих выписок легко будет всякому увидеть, что именно в этих фразах так восхитило врагов таланта Гоголя.

«Вы напрасно негодуете на неумеренный тон некоторых нападений на «Мертвые души». Это имеет свою хорошую сторону. Иногда нужно иметь противу себя озлобленных. Кто увлечен красотами, тот не видя недостатков и прощает все; но кто озлоблен, тот постарается выкопать в нас всю дрянь и выставить ее так ярко наружу, что поневоле ее увидишь. Истину так редко приходится слышать, что уже за одну крупницу ее можно простить всякий оскорбительный голос, с каким бы она не произносилась. {13} В критиках Булгарина, Сёнковского и Полевого есть много справедливого, начиная даже с данного мне совета поучиться прежде русской

Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru грамоте, а потом уже писать. В самом деле, если бы я не торопился печатанием рукописи и подержал ее у себя с год, я бы увидел потом и сам, что в таком неопрятном виде ей никак нельзя было являться в свет. Самые эпиграммы и насмешки надо мною были мне нужны, несмотря на то, что с первого разу пришлось очень не по-сердцу. О! как нам нужны беспрестанные щелчки, и этот оскорбительный тон, и эти едкие, пронимающие насквозь насмешки! На дне души нашей столько таится всякого мелкого, ничтожного самолюбия, щекотливого, скверного честолюбия, что нас ежеминутно следует колотить, поражать, бить всеми возможными орудиями, и мы должны благодарить ежеминутно нас поражающую руку.

«Я бы желал, однакож, побольше критик, не со стороны литераторов, но со стороны людей, занятых делом самой жизни. Со стороны практических людей, как на беду, кроме литераторов, не отозвался никто. А между тем «Мертвые души» произвели много шума, много ропота; задели за живое многих и насмешкою, и правдою, и карикатурою; коснулись порядка вещей, который у всех ежедневно перед глазами – хоть исполнены промахов, анахронизмов, явного незнания многих предметов, местами даже с умыслом помещено обидное и задевающее, авось кто-нибудь выберит меня хорошенько, и в брани выскажет мне правду, {14} которой добиваюсь. И хоть бы одна душа подала голос! А мог всяк. И как бы еще умно! Служащий чиновник мог бы явно доказать, в виду всех, неправдоподобность мною изображенного события приведением двух-трех действительно случившихся дел, и тем бы опроверг меня лучше всяких слов, или тем же самым образом мог бы защитить и оправдать справедливость мною описанного. Приведением события случившегося лучше доказывается дело, нежели пустыми словами и литературными разглагольствованиями. Мог бы то же сделать и купец, и помещик, словом – всякий грамотей, сидит ли он сиднем на месте, или рыскает вдоль и поперек по всему лицу русской земли. Сверх собственного взгляда своего всякий человек, с того места или ступеньки в обществе, на которую поставили его должность, звание и образование, имеет случай видеть тот же предмет с такой стороны, с которой, кроме его, никто другой не может видеть. По поводу «Мертвых душ» могла бы написаться всею толпою читателей другая книга, несравненно любопытнейшая «Мертвых душ», которая могла бы научить не только меня, но и самих читателей, потому что – нечего таить греха – все мы очень плохо знаем Россию.

«И хоть бы одна душа заговорила во всеуслышание! Точно как бы вымерло все, как бы, в самом деле, обитают в России не живые, а какие-то «Мертвые души». И меня же упрекают в плохом знании России! Как будто непременно силою святого духа должен узнать я все, что ни делается во всех углах ее – без научения научиться! Но какими путями могу научиться я, писатель, осужденный уже самим званием писателя на сидячую, затворническую жизнь, и притом еще больной, и притом еще принужденный жить вдали от России? какими путями могу я научиться? Меня же не научат эти литераторы и журналисты, которые сами затворники и люди кабинетные. У писателя только и есть один учитель: сами читатели. А читатели сами {15} отказались поучить меня. Знаю, что дам сильный ответ богу за то, что не исполнил, как следует, своего дела; но знаю, что дадут за меня ответ и другие. И говорю это недаром. Видит бог, говорю недаром!

«Я предчувствовал, что все лирические отступления в поэме будут приняты в превратном смысле. Они так неясны, так мало вяжутся с предметами, проходящими перед глазами читателя, так не попадут складу и замашке сочинения, {16} что ввели в заблуждение как противников, так и защитников. Все места, где ни заикнулся я неопределенно о писателе, были отнесены на мой счет; я краснел даже от изъяснений их в мою пользу. И поделом мне! Ни в каком случае не следовало выдавать и Сочинения, которое хотя выкроено было не дурно, но шито кое-как, белыми нитками, подобно платью, приносимому портным только для примерки. Дивлюсь только тому, что мало было сделано упреков в отношении к искусству и творческой науке. Этому помешало как гневное расположение моих критиков, так и непривычка всматриваться в постройку сочинения. Следовало показать, какие части чудовищно длинны в отношении к другим, где писатель изменил самому себе, не выдержав своего собственного, уже раз принятого тона. Никто не заметил даже, что последняя половина книги отработана меньше первой, что в ней великие пропуски, что главные и важные обстоятельства сжаты и сокращены, неважные и побочные распространены, что не столько выступает внутренний дух всего сочинения, сколько мечется в глаза пестрота частей и лоскутность его. Словом – можно было много сделать нападений несравненно дельнейших, избрать меня гораздо больше, нежели теперь бранят, и избрать за дело.

«Охота же тебе, будучи таким знатоком и ведателем человека, задавать мне те же

Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
пустые запросы, которые умеют задать и другие. Половина их относится к тому, что еще впереди. Ну, что толку в подобном любопытстве? Один только запрос умен и достоин тебя, и я бы желал, чтобы его мне сделали и другие, хотя не знаю, сумели бы на него отвечать умно. Именно запрос: отчего герои моих последних произведений, и в особенности «Мертвых душ», будучи далеки от того, чтобы быть портретами действительных людей, будучи сами по себе свойства совсем непривлекательного, неизвестно почему, близки душе, точно как бы в сочинении их участвовало какое-нибудь обстоятельство душевное? Еще год назад мне было бы неловко отвечать на это даже и тебе. Теперь же прямо скажу всё: герои мои потому близки душе, что они из души; все мои последние сочинения – история моей собственной души. А чтобы получше все это объяснить, определю тебе себя самого как писателя. Обо мне много толковали, разбирая кое-какие мои стороны, но главного существа моего не определили. Его слышал один только Пушкин. Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставить так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно в глаза всем. Вот мое главное свойство, одному мне принадлежащее, и которого точно нет у других писателей. Оно впоследствии углубилось во мне еще сильнее от соединения с ним некоторого душевного обстоятельства. Но этого я не в состоянии был открыть тогда даже и Пушкину.

«Это свойство выступило с большою силою в «Мертвых душах». «Мертвые души» не потому так испугали многих и произвели такой шум, чтобы они раскрыли какие-нибудь раны общества или внутренние болезни, и не потому также, чтобы представили потрясающие картины торжествующего зла и страждущей невинности. Ничуть не бывало. Герои мои вовсе не злодеи; прибавь я только одну добрую черту любому из них, читатель помирился бы с ними всеми. Но пошлость всего вместе испугала читателей. Испугало их то, что один за другим следуют у меня герои один пошлее другого, что нет ни одного утешительного явления, что негде даже и приотдохнуть, или перевести дух бедному читателю и что по прочтении всей книги кажется, как бы точно вышел из какого-то душного погреба на божий свет. Мне бы скорее простили, если бы я выставил картинных извергов, но пошлости не простили мне. Русского человека испугала его ничтожность более, нежели все его пороки и недостатки. Явление замечательное! Испуг прекрасный! В ком такое сильное отвращение от ничтожного, в том, верно, заключено все то, что противоположно ничтожному. Итак, вот в чем мое главное достоинство, но достоинство это, говорю вновь, не развилось бы во мне в такой силе, если бы с ним не соединилось мое собственное душевное обстоятельство и моя собственная душевная история. Никто из читателей моих не знал того, что, смеясь над моими героями, он смеялся надо мною.

«Не судите обо мне и не выводите своих заключений; вы ошибетесь подобно тем из моих приятелей, которые, создавши из меня свой собственный идеал писателя, сообразно своему собственному образу мыслей о писателе, начали было от меня требовать, чтобы я отвечал ими же созданному идеалу. Создал меня бог и не скрыл от меня назначения моего. Рожден я вовсе не затем, чтобы произвести эпоху в области литературной. {17} Дело мое проще и ближе: дело мое есть то, о котором прежде всего должен подумать всякий человек, не только один я. Дело мое – душа и прочное дело жизни. А потому и образ действий моих должен быть прочен, и сочинять я должен прочно. Мне незачем торопиться; пусть их торопят другие. Жгу, когда нужно жечь, и, верно, поступаю как нужно, потому что без молитвы не приступаю ни к чему».

Вот почти все главное, из которого мы, однакоже, вкратце извлечем самое существенное:

I. Гоголь сам сознается, что он недоволен всем, что было им писано до сих пор, а потому сжег рукопись второй части «Мертвых душ» и других своих сочинений. Ergo: враги таланта Гоголя правы в том, что столько лет выставляли его писателем без дарования, без вкуса, мастером на одни сальные и грязные картины вроде Поль-де-Кока.

II. Гоголь сам соглашается, что особенность его таланта состоит в умении «очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно в глаза всем. Ergo: это явно талант мелкий и ничтожный...

III. Гоголь объявляет торжественно, что согласен с теми, которые бранили его

Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru сочинения, и не согласен с теми, которые хвалили их. Ergo: хвалители Гоголя суть литературная партия, уцепившаяся за него для унижения истинных, но ненавистных ей талантов.

IV. Гоголь сам говорит, что «рожден он вовсе не затем, чтобы произвести эпоху в области литературной, а затем, чтобы спасти свою душу». Ergo: лгали те, которые провозгласили его главою новой литературной школы.

V. Гоголь признается сам, что «в критиках Булгарина, Сенковского и Полевого есть много справедливого, начиная даже с данного ему совета поучиться прежде русской грамоте, а потом уже писать», и что «если бы он не торопился печатанием рукописи и подержал ее у себя с год, то увидел бы потом и сам, что в таком неопрятном виде ей никак нельзя было являться в свет» и пр. Ergo: кроме «Вечеров на хуторе», все, написанное Гоголем, есть чистый вздор и не заслуживает никакого внимания.

Подобные выводы могут показаться правильными и дельными только тем, которым они полезны. Сильно ошибаются те, которые думают, что публику нашего времени во всем можно уверить журнальной статьею, что она верит только печатному, а сама ничего не видит, ничего не понимает. Таким образом хотят уверить, что слава Гоголя основана на крикливых возгласах какой-то литературной партии, которой нужно было поднять его из своих собственных расчетов. А добрая русская публика и поверила этой партии, и начала раскупать сочинения Гоголя, и наполнять театры, когда в них давался «Ревизор»... Мало этого, помянутая литературная партия успела убедить в гениальности Гоголя даже французскую, а за нею и всю европейскую публику... И все это обман, пуф, подлог, потому что сам Гоголь отрицается от своих сочинений и своей славы... Только-то?.. А нам какое до этого дело? – Когда мы хвалили сочинения Гоголя, то не ходили к нему справляться, как он думает о своих сочинениях, а судили о них сообразно с теми впечатлениями, которые они производили... Так точно и теперь мы не пойдем к нему спрашивать его, как теперь прикажет он нам думать о его прежних сочинениях и о его «Выбранных местах из переписки с друзьями». {18} Какая нам нужда, что он не признает достоинства своих сочинений, если их признало общество? Это факты, которых действительности не в состоянии же опровергнуть он сам... Нет, господа противники таланта Гоголя, раненко вы вздумали торжествовать победу, которой не одержали и которой не одержать вам! Именно теперь-то еще более, чем прежде, будут расходиться и читаться прежние сочинения Гоголя, теперь-то еще выше, чем прежде, будет цениться он, потому что теперь он сам существует для публики больше в прошедшем...

Но оставим и хулителей в стороне, обратимся опять к нашему автору. Конечно, в его смиренномудром признании собственных ошибок и правды в нападках врагов много высокого, делающего ему особенную честь; но, смотря на дело проще, то есть не со стороны самолюбия, а со стороны самого дела, можно заметить, что автор гораздо бы лучше поступил, если бы, вместо въяких признаний, воспользовался дельными замечаниями и второе издание «Мертвых душ» выпустил бы в опрятном виде... То же отчасти можно сказать и о «Выбранных, но отнюдь не избранных местах из переписки с друзьями»: они могли явиться в печати и грамотнее, и приличнее, и опрятнее, вообще, так сказать... Но, видно, на словах блистать смирением легче, нежели трудиться на деле...

Не можем не выставить на вид еще одной черты. Вот что говорит автор в одном месте своей книги: «Вот уже почти полтора десятка лет протекло с тех пор, как государь Петр I прочистил нам глаза чистилищем просвещения европейского; дал в руки нам все средства и орудия для дела, и до сих пор остаются так же пустыни, грустны и безлюдны наши пространства, так же бесприютно и неприветливо все вокруг нас, точно как будто бы мы до сих пор еще не у себя дома, не под родною нашею крышею, но где-то остановились бесприютно на проезжей дороге, и дышит нам от России не радушным, родным приемом братьев, но какую-то холодную, занесенную вьюгой почтовою станцією, где видится один ко всему равнодушный станционный смотритель с черствым ответом: «Нет лошадей» (стр. 136). В этом винит автор нас же и, разумеется, винит основательно. Но вот что он же говорит в другом месте своей книги: «И до сих пор еще, к нашему стыду, указывают нам европейцы на своих великих людей, которых умнее бывают у нас и не великие люди; {19} но те хоть какое-нибудь оставили после себя дело прочное, а мы производим кучи дел – и все как пыль сметаются они с земли вместе с нами» (стр. 192). Потом читаем мы вот что: «Если бы таким же пером, каким начертана биография фонвизина, написано было все царствование Екатерины, которое уже и теперь кажется нам почти фантастическим от чрезвычайного обилия эпохи и необыкновенного столкновения

Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru необыкновенных лиц и характеров, то можно сказать почти наверно, что подобного по достоинству исторического сочинения не представила бы нам Европа» (стр. 237–238). Как вам кажутся, читатель, эти три выписки из различных мест одной и той же книги?..

Вот еще оригинальный образчик логики автора: он говорит, что никто не может признать русских людей ни в Простаковой, ни в Тарасе Скотинине, ни в Простакове, ни в Митрофане Фонвизина, – и в то же время всякий чувствует, что нигде в другой земле, ни во Франции, ни в Англии, не могли образоваться такие существа (стр. 247–249)... Вот тут и понимаешь, как знаешь!..

Теперь вопрос: зачем написана вся эта книга?

Это так же трудно решить, как и то, зачем написаны автором эти строки: «О, как нам бывает нужна публичная, данная в виду всех оплеуха» (стр. 192)!..

Какое следствие можно извлечь из этой, книги?

Разумеется, в этом случае всякий поступит по-своему, и следствий будет выведено почти столько же, сколько людей возьмется за это дело. Что касается до нас, мы вывели из этой книги такое следствие, что горе человеку, которого сама природа создала художником, горе ему, если, недовольный своею дорогою, он ринется в чуждый ему путь! На этом новом пути ожидает его неминуемое падение, после которого не всегда бывает возможно возвращение на прежнюю дорогу... При этом мы почему-то вспомнили эти стихи Крылова:

Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник,
И дело не пойдет на лад.

Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться любит,
Тот всегда других упрямеи и вздорней:
Он лучше дело все погубит,
И рад скорей

Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей

Спросить иль выслушать разумного совета.{20}

Приходили нам в голову и другие выводы из книги «Выбранных мест из переписки с друзьями»; но... статья наша и так вышла чересчур длинна...{21}

Примечания

В январе 1847 года вышла реакционная книга Н. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», в которой он отказывался от «Ревизора» и «Мертвых душ» и выступал проповедником обскурантизма и крепостничества. Об опасности духовного падения Гоголя Белинский предупреждал еще в 1842 году. Об этом же критик писал и в рецензии на второе издание «Мертвых душ», в предисловии к которому Гоголь занял позу кающегося в своих «грехах» христианина. В книге «Выбранные места» Гоголь позволил себе резкие выпады против своих «почитателей» и «хвалителей», среди которых, разумеется, на первом месте был Белинский.

Тем самым Гоголь санкционировал новый поход реакционной журналистики против Белинского и его «партии». В «Северной пчеле», 1847, № 8, Булгарин писал: «Мы всегда говорили, что г. Гоголь, как умный человек, не мог никогда одобрить того, что провозглашала о нем партия, и он подтвердил это собственным сознанием. Честно и благородно!»

В таком же духе писал и Л. Брант в «Северной пчеле», 1847, № 67, Сенковский в «Библиотеке для чтения», 1847, т. XXX, № 1, отд. VI, кн. Вяземский в «Санктпетербургских ведомостях», 1847, № 90 и 91, Шевырев в «Москвитянине», 1848, № 1.

Передовой общественностью книга Гоголя была встречена с резким осуждением. Осуждали ее даже ближайшие друзья Гоголя из славянофильского лагеря (С. Т. и К. С. Аксаковы). С резкой статьей выступил Э. Губер в «Санктпетербургских ведомостях», 1847, № 37. Белинский в одном из писем одобрительно отзывался об этой статье (см. «Письма», т. III, стр. 176, 186).

выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Однако в этих осуждениях Гоголя много было морализирования, попыток понять «изнутри» и, может быть, условить писателя, отдавшего всецело во власть гордыни. Такова статья В. Майкова в «Отечественных записках», 1847, т. I, письмо Н. Ф. Павлова к Гоголю, напечатанные сначала в «Московских ведомостях», 1847, №№ 28, 38, 46, а затем в «Современнике», 1847, №№ 6, 8.

При всей умеренности критики Павлова, Белинский, однако, отнесся к ней сочувственно: «Особенно понравилась мне в статье одна мысль, – умная до невозможности: это ловкий намек на то, что перенесенная в сферу искусства, книга Гоголя была бы превосходна, ибо ее чувства и понятия принадлежат законно Хлестаковым, Коробочкам, Маниловым и т. п. Это так умно, что мочи нет!» («Письма», т. III, стр. 198).

Белинский сразу занял непримиримую позицию по отношению к Гоголю, автору «Переписки». Но Белинский, разумеется, не мог высказать всего, что он думал об этой книге. Этому препятствовала цензура. Полным голосом Белинский высказался позднее в своем знаменитом письме к Гоголю из Зальцбрунна 15 июля 1847 года.

В письме В. П. Боткину 28 февраля 1847 года критик писал: «Природа осудила меня лаять собакою и выть шакалом, а обстоятельства велят мне мурлыкать кошкою, вертеть хвостом по-лисы...»; «Статья о гнусной книге Гоголя могла бы выйти хорошо, если бы я в ней мог, зажмурив глаза, отдаться моему негодованию и бешенству... Эффект этой книги был таков, что Никитенко, ее пропустивший, вычеркнул у меня часть выписок из книги, да еще дрожал и за то, что оставил в моей статье. Моего он и цензора вычеркнули целую треть, а в статье обдуманной пометка слова – важное дело» (т. III, стр. 184, 185). Восстановить выпущенное цензурой нет возможности, так как рукопись статьи затеряна. Исправление, вписанное Никитенко, о котором пишет Белинский к Боткину 6 февраля 1847 года, мы сняли, восстановив подлинный текст статьи.

Сноски

1

От великого до смешного – один шаг. – Ред.

2

Сельским священником. – Ред.

3

Смеется тот, кто смеется последним. – Ред.

Комментарии

1

В ответ на упреки В. П. Боткина в нетерпимости по отношению к книге Гоголя Белинский писал: «Ты упрекаешь меня, что я рассердился и не совладел с моим гневом? Да этого я не хотел. Терпимость к заблуждению я еще понимаю и ценю, по крайней мере в других; если не в себе, но терпимости к подлости я не терплю. Ты решительно не понял этой книги, если видишь в ней только заблуждение, а вместе с ним не видишь артистически рассчитанной подлости» (т. III, стр. 185).

2

У Гоголя: «произносить мне не хотелось» (стр. 4).

3

У Гоголя: «глядеть спесиво» (стр. 5)»

4

У Гоголя перед словами: «не будь этих недугов» – следует: «ныне каков я ни есть, но я все же стал лучше, нежели был прежде» (стр. 26).

5

У Гоголя: «перечат» (стр. 87).

6

У Гоголя: «отделясь» (стр. 150).

7

У Гоголя: «избирал» (стр. 150).

8

«Приятель наш П...» – то есть П. А. Плетнев, в 1837-1846 годах издававший «Современник», в котором было много всякого рода публикаций.

9

Белинский напомнил Гоголю эти слова в знаменитом письме к нему: «А выражение: «Ах, ты, неумытое рыло!» Да у какого Ноздрева, у какого Собакевича подслушали вы его, чтобы передать миру, как великое открытие в пользу и назидание мужиков, которые и без того потому не умываются, что, поверив своим барам, сами себя не считают за людей?»

10

Языкову.

11

У Гоголя стр. 56–57.

12

У Гоголя стр. 184–185.

13

У Гоголя: «глядеть спесиво» (стр. 5)»

14

У Гоголя «авось кто-нибудь меня выберит, и в брани, в гневе выскажет мне правду...» (стр. 132).

15

У Гоголя слово «сами» отсутствует (стр. 133).

У Гоголя: «замашке всего сочинения» и дальше: «что ввели в равное заблуждение» (стр. 134).

17

Это прямой намек на оценку Белинским Гоголя как главы нового, «послепушкинского», периода русской литературы.

18

Это место в тексте «Современника» было искажено цензором Никитенко. Белинский сообщал об этом в письме к В. П. Боткину от 6 февраля 1847 года: «2-я книжка «Современника» – вышла во-время. Она лучше первой. Но Никитенко так поправил одно место в моей статье о Гоголе, что я до сих пор хожу, как человек, получивший в обществе оплеуху. Вот в чем дело: я говорю в статье, что де мы, хваля Гоголя, не ходили к нему справляться, как он думает о своих сочинениях, то и теперь мы не считаем нужным делать это, а он, добрая душа! в первом случае мы заменил словом некоторые – и вышло, во 1-х, галиматья, а во 2-х, что-то вроде подлого отпирательства от прежних похвал Гоголю и сваления вины на других. А там еще цензора подрадели – и все это произвольно, без основания» (т. III, стр. 165). Мы исправили это место, руководствуясь указанием Белинского. (В издании Солдатенкова и Венгерова оно осталось неисправленным.)

19

У Гоголя: «бывают у нас иногда и не великие люди» (стр. 192).

20

Часто встречающаяся у Белинского цитата из басни И. Крылова «Щука и кот».

21

Эти и «другие», далеко идущие выводы, как, например, о необходимости уничтожения крепостного права, отмены телесных наказаний, Белинский вскоре сделает в своем письме к Гоголю.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!